

Пролог

Старая гадюка никак не хотела кусать, все норовила выскользнуть из рук. Теплое тело ее, мягкое, жирное, извивалось. Хвост то обвивал запястья, то стекал с них, норовя увлечь за собой всю змею. Она слегка шипела, высовывала язык, но замерла, перехваченная под головой ловкими пальцами. А когда они больно сдавили змеиное тело, все же сделала то, чего от нее ждали.

— Умница, — сказал человек, разжимая руку.

Змея шлепнулась на землю и поспешила убраться. Черный хвост ее спешно ввинтился во влажные листья, чтобы в следующее мгновение вовсе исчезнуть.

Женщина, лежавшая на земле, не шелохнулась. Тихая. Теплая.

Человек лег рядом, приобнял ее. Она дышала. Пока еще дышала. На бледной коже руки осталась пара пятнышек крови, но это нестрашно.

Ей ведь не больно. Ничуть.

И значит, он все делает правильно.

Человек достал из мешка вторую змею и аккуратно уложил на рассыпавшиеся по мхам волосы. Гадюка была слегка сонной и послушно свернулась клубком, потом устроилась поближе — ее влекло тепло пока еще живого человеческого тела. А позже переберется на грудь или на живот. Змеи почему-то очень любят лежать на животе.

Если повезет, так их и отыщут.

Человек не знал, сколько все длилось. Он просто лежал, слушая чириканье птиц где-то там, высоко. Наслаждаясь теплом — позднее летнее солнце пробивалось сквозь ветви, рассыпая кружево света по травам.

Дыхание становилось слабее и слабее, и он четко ощутил момент, когда все свершилось. Нить жизни оборвалась.

На глаза привычно навернулись слезы, но человек умел их прятать. И сейчас справился. Полежал еще немного, но рядом с мертвецом было неприятно. И человек, подавив вздох, поднялся. Окинул взглядом тело.

Гадюка никуда не уползла. Ленивые они становятся. Переложить?

Или нет, все должно быть так, как есть, разве что перышко... Его человек прихватил заранее. И теперь, вытаскивая прядку кудрявых волос, принялся аккуратно выpletать косичку.

— Лети, перышко, через полюшко...

Губы шевелились, песня звучала в голове. И становилось легче, как когда-то давным-давно...

— ...Смахни, перышко, мое горюшко...

Перо выскользнуло из пальцев и упало в мох.

Вот ведь незадача. И стоило к нему потянуться, как с тихим упреждающим шипением подняла голову старая гадюка. Нехорошо получилось. Неправильно.

Пальцы дотянулись-таки до пера. Вплели в волосы.

Вот так будет лучше. Определенно.

Глава 1

Уж

«Ужи — суть гады безобидные. Природа не наделила их ни ядовитостью, подобно гадюкам, ни силой, обрекши на тихое существование среди прелой листвы. В природе ужи встречаются часто. Во множестве обретаются они близ рек и ручьев, в сырых низинах или запрудах, где днем греются на солнце, а ближе к вечернему времени ведут охоту на жаб да лягушек. Во времена далекие люди почитали ужей полезными и держали их в домах, дабы защищали они от мышей и крыс...»

«Книга о змеях»

С утра зарядил дождь.

Ненавижу дождь, особенно в Петербурге. И так все сизо-каменное, тяжелое, а уж в дождь и вовсе затапливает все какой-то нудной серостью. И сырость, сырость.

Пусть Бекшеев и велел печки топить, дров не жалея, от сырости не спасает. Пробирается она, расплзается, растворяется в воздухе. И вот уже внутри жарко и сыро, и тело покрывается испариной.

Воздух пахнет плесенью. Бумаги и те набираются воды, разбухают. Чернила начинают ползти, грозя вовсе исчезнуть. А на окнах привычно ложатся лужи.

Валентина их смахивает каждое утро. И вечером тоже. Но они появляются снова и снова.

— Чего такая мрачная? — А Бекшееву погода нипочем.

Довольный до того, что прямо бесит.

— Дождь.

— Это да... осень ведь.

Только сентябрь.

Сентябрю положено быть иным. Чтобы свет, солнце днем и ощущение, будто лето никуда не делось. А вечером — прохлада, и иногда, когда месяц уже на излете, то и заморозки. Легкие. Чтоб напомнить людям о близости осени.

Но не это вот.

— Чай будешь? — Бекшеев, зараза этакая, не переставая улыбаться, налил чаю в преогромную кружку, им же подаренную.

И чай душистый, травяной. А к нему пряник.

Покосилась подозрительно, пытаюсь припомнить, с чего бы вдруг посеред рабочего дня и этакое нарушение субординации. Нет, Бекшеев в принципе о ней вспоминает редко, если вообще вспоминает, полагая ее этаким начальственной придурью, которая временами изрядно мешает работе.

Но пряник — это чересчур.

— С Ольшевским что?

— С Ольшевским? А, Душитель... Все нормально. Вчера еще забрали. И дело тоже. — Бекшеев и себе чаю налил, устроился напротив, спиной к окну. Потянулся до хруста в костях. — Передадут в суд, доказательной базы хватит.

Вот и я думаю.

Взяли мы его быстро. И если не на месте преступления, то при попытке совершить оное, что тоже о чем-то

да говорит. И запирается он не стал. Новоявленный Душителю оказался из тех ненормальных, которые совершенным гордятся неимоверно.

— Тогда что? — Я прищурилась. — Бекшеев, выкладывай.

— Нас пригласили на ужин.

— И?..

Нас и прежде приглашали. Иногда. Большею частью, подозреваю, из вежливости и желания показаться роду Бекшеевых. Ну или на меня, такую коварную, очередного князя очаровавшую, поглядеть. Нет, неплохие люди встречались, будет ложью сказать, что их вовсе не было. Но, к обоюдной нашей с Бекшеевым радости, светская жизнь у нас не задалась.

А сейчас глядит так виновато, что поневоле начинаешь подозревать за этим приглашением недоброе.

— Одинцов пригласил. — И уточнил: — Домой.

— К себе?

Хотя чего я, к нам бы он не заявился ужинать. Мог бы, конечно, никто б не выгнал, но... не по протоколу это и не по правилам.

Бекшеев, кивнув, добавил:

— Очень просил быть. Сказал, дело важное, но личного склада.

За женой шпионить попросит, что ли? Нет, это не про Одинцова. Он не из тех. Если и появятся подозрения, которые у мужчин порой бывают, он озвучит их прямо и в лоб. А следить, затевать интриги, тем паче привлекать кого-то...

Мелко. Суетно. И глупо.

Разве что жену во что-то втянули и прямо спрашивать он опасается. А если так...

— Сказал, что нужен сторонний взгляд на ситуацию. Но подробностей, что за она... — Бекшеев развел руками.

Это уже на правду похоже. И на Одинцова.

— Даже интересно стало. И когда?

— Послезавтра.

— Вечер, как понимаю...

— В узком семейном кругу в честь помолвки его подопечной.

— Ага... — сказала я и замолчала, чай попивая. И даже сырость вечная с жарой вкупе раздражать перестали. — А подвох в чем?

— В каком смысле?

— Если бы Одинцову нужна была помощь, он сказал бы прямо. И я бы помогла. А он послал тебя. И ты наверняка согласился. Предварительно. И отказаться уже неудобно. А я тебя одного не брошу, и Одинцов о том тоже знает.

— Ты из него делаешь какого-то демона.

— Делаю? Да он и есть демон. — Я вытянула ноги, и они уперлись в подоконник. Стена не дрогнула, а лужа на нем задрожала от этого легкого прикосновения. — Хотя... дай угадаю. Помолвка — сборище семейное. Значит, княгиня Одинцова на нем будет всенепременно. То есть обе. Вдовствующая и его нынешняя супруга. — Бекшеев замер и чуть нахмурился. — И Одинцов точно знает, что меньше всего на свете мне хотелось бы встречаться с его матушкой. У нас, как это вежливо говорят, сложные отношения. — Он хмыкнул. — И я, поняв к чему все, скорее всего, отказалась бы. Кстати, он не говорил, как собирается объяснять остальным мое присутствие? На этом... семейном вечере.

Меня передернуло.

И вот ведь интересно. Мы с княгиней давно не родня, в последний раз встречались годы тому. И не скажу, что она мне как-то грубила, отнюдь. Княгиня Одинцова всегда была безупречно вежлива. Но как же ее холодная вежливость действовала на нервы!

— Понятия не имею. — Бекшеев поставил кружку с недопитым чаем на серую папку. — Если не хочешь, скажу, что мы не придем.

— Не хочу, — ответила честно. — Но мы придем.

— Почему?

— Потому. Потому что дело, полагаю, и вправду серьезное. Одинцов не стал бы ради забавы трепать мне нервы. И тебе. А себе и подавно. Мы ж придем и уйдем, а ему от матушки с ее нравоучениями бежать некуда. Значит, что-то случилось, что-то такое, что не позволяет действовать прямо.

Я тронула лужу пальцем.

Мокрая. И холодная. Хотя чего я хочу от осенней лужи? Двинула палец влево, и за ним потянулась прозрачная дорожка воды.

— Только меня там не любят, — сочла нужным сказать. — Сильно.

— Пугаешь?

— Скорее уж предупреждаю.

Он хмыкнул и, подойдя сзади, обнял. Бесстрашный бестолковый человек, к чему я так и не привыкла. Или, может, времени прошло недостаточно?

Год. Чуть больше.

Возвращение. Переезд. Пожалуй, я готова была бы отступить, свести все к неудачной шутке. Но оказалось, Бекшеев отступить не хочет. И шуток не понимает.

И в целом у него с чувством юмора туго. Временами.

— Переживем как-нибудь. — Он поцеловал меня в макушку.

Переживем. Куда мы денемся.

Пережили же сплетни. И всеобщее недоумение. Ну да, странная парочка. Не совсем человек, но еще не нелюдь, да инвалид, которому давно пора на погост. А он живет, цепляется и не спешит уступать такое удобное место людям, куда более для одного годным.

И я при нем. Любовницей. Которую он, Бекшеев, и не пытается скрывать, как у приличных людей заведено. А я не краснею и не стесняюсь своего сомнительного статуса. Одинцов же мало того, что внимания не обращает, так жалобами на глубокую аморальность нашего с Бекшеевым облика каминный топик.

Странно все донельзя.

Но да, переживем.

Одинцов сам нас встретил.

— Спасибо. — И в глаза посмотрел виновато. — Я... не забуду.

— Не забудешь, конечно, — усмехнулась в ответ, — и они тоже. Причина-то какова? С чего вдруг нас удостоили высокой чести?

Старый дом. Я его помню. А он меня, интересно?

Огромный фамильный особняк сиял, видом своим извещая всех-то окрест, что ныне в нем состоится торжество.

— Это моя супруга, — сказал Одинцов. — Ольга. Ольга...

— Зима. — Я разглядывала ее... с ревностью?

Пожалуй что. И дело вовсе не в моей любви к Одинцову. Я вовсе сомневаюсь, что она была, та, которая между мужчиной и женщиной от первой встречи до последнего вздоха. Скорее уж он мне... брат? Родич?

Еще один осколок большой странной семьи, которую я силилась создать взамен утраченной. Мозголом, ставшийся когда-то достучаться до меня, наверное, порадовался бы такой сознательности. Но... я все равно ревновала.

И пыталась понять, чем она лучше. Хотя это как раз просто: всем.

Она красива. Очень. Как может быть красива женщина, за спиной которой выстроилась череда одаренных предков. Высока, даже немного выше Одинцова. Или это каблуки с прической виноваты? Черты лица правильные, мягкие. Волос светлый, слегка вьется. И то ли сам собою, то ли стараниями куафера, не понять.

А взгляд лукавый, насмешливый. И вдруг показалось, что все-то она про меня поняла. И протянутую руку — вызов в глазах общества, не иначе — пожалала.

— Спасибо. — Голос звучал мягко. — Спасибо, что согласились прийти. Я понимаю, как вам сложно...

И я кивнула, чувствуя себя со своей ревностью дурой полнейшей.

А Бекшеев усмехнулся, будто знал заранее, что так и будет. Может, и знал. Вернемся домой, скандал устрою. Классический, с битьем посуды и истерикой. Если не забуду.

— Зачем? — спросила тихо.

Ольга с кем-то раскланялась. Прием семейный, а лиц вокруг множество, большею частью смутно зна-

комых. Пыталась вспомнить, а в голове приятная звонкая пустота.

— Мне очень нужно ваше мнение об одном человеке. Если я скажу что-то... это может повлиять. Отразиться...

Она снова кому-то улыбнулась, правда как-то неискренне, что ли.

— О ком? — поинтересовалась я, спиной ощущая, что оборачиваться не стоит.

— О женихе...

— Зима?

Этот голос я узнала бы из всех. И главное, годы прошли, а она ничуть не изменилась. Точнее, голос — те же отстраненность и холодность, когда-то ввергавшие меня в оцепенение.

Зато я, кажется, изменилась. Надо же! Никакого оцепенения. И мстительного желания сделать что-то, чтобы вывести эту ледяную женщину из себя.

— Не ожидала...

Ей к лицу темно-синий, в черноту, цвет. Он подчеркивал белый снег волос и тот фарфоровый оттенок кожи, который пудра лишь испортит. Одинцовый даже морщины к лицу.

— Я тоже рада вас видеть, — ответила. — Здесь так... интересно. Честно говоря, не собиралась, но Бекшеев принял приглашение. А я, стало быть, с ним.

Чуть склоненная голова. А глаза бледные, выцветшие.

— Слышала... о вас, — осторожно произнесла княгиня. — Разное. Времена ныне... более свободные.

Это она сожалеет? Или завидует?

— А здесь почти ничего не изменилось, — перевела я тему. — Дом все так же великолепен.

— Это уже усилиями Ольги. Что ж, рада встрече. Но, кажется, я вижу там...

Кого она в толпе увидела, не знаю, ну хоть убралась подальше. И Ольга выдохнула.

Я посмотрела на нее с удивлением.

— Эта женщина ввергает меня в ужас, — призналась она.

— Пройдет. Со временем. — Я смотрела вслед княгине, переходившей от одной группы людей к другой.

— Вряд ли. Когда она смотрит, я чувствую себя... самозванкой.

— Главное, чувству не поддавайся.

— Сначала я тебя ненавидела.

— Меня? За что?

Мы даже знакомы не были. И теперь не особо. Просто стоим, точнее, медленно ходим меж кучек гостей. Ольгу приветствуют, и она кланяется в ответ, бросая слово-другое. Приветливо улыбается, играет с бокалами, переставляя с подноса на поднос, создавая иллюзию того, что пьет и веселится.

Никогда не понимала, какой ненормальный может воспринимать происходящее как веселье.

— Мне тогда только и говорили, что о тебе...

— Кто?

— Все. Не она, нет. Сестры...

— Дуры. И кузины не лучше. И их подруги туда же...

Ольга странно на меня посмотрела.

Нет, и вправду дуры... Но это я теперь понимаю. Тогда же наивно полагала, что они все — возвышенные и тонко чувствующие, вынужденные сосуществовать с таким чудовищем, как я. Учить его. Развивать. И превращать в человека.

Я даже старалась превратиться.

Тупиковый путь. Только поняла я это лишь теперь.

— Ты мне лучше о деле, — сказала, спиной чувствуя любопытные взгляды.

И главное, смотрят на нас с ожиданием, едва ли не с надеждою. Ага, старая жена и новая. Под ручку ходят.

Хотя... чего еще от блаженных ожидать.

— Так на кого смотреть-то?

— На жениха. Одинцов представит вас. Потом за ужином посадит рядом.

Чую, будет интересно.

Жених мне не понравился. Бывает так, что видишь человека впервые в жизни, а что-то подсказывает тебе, что мудака он редкостный. Даже если в костюме.

Костюм был шит на заказ, и явно не в мастерской, что на рынке. И ткань, и фасон, и исполнение говорили о немалых деньгах. О них же намекали камень в булавке галстука и общая холеность облика.

С Одинцовым он держался на равных, Бекшеева же смерил взглядом, в котором мелькнула капля... брезгливости? Но руку пожал и сказал что-то вежливо-равнодушное. Я рукопожатия не удостоилась, как и взгляда.

А Одинцов это заметил. И чуть прищурился, а еще пальцами на руке пошевелил, словно разминая. Стало быть, тип этот и ему не нравится. Категорически.

Невеста же показалась блеклою и хрупкою, словно былинка. И главное, странно — платье на ней из числа дорогих, но почему-то мнилось, что платье это она стащила, поскольку не подчеркивало оно достоинства фигуры, наоборот, создавало ощущение, что этих самых достоинств в фигуре вовсе нет.

Тонкость. Какая-то детская плоскость. Торчащие ключицы. И нить крупного жемчуга меж ними. Таковую скорее княгине вдовствующей носить, а не молодой девчонке. Тонкая шея. Волосы зачесаны гладко. Ободок чересчур громоздкой и яркой тиары давит на голову, тяжелые серьги — ощущение, что девочка добралась до маминой шкапулки с украшениями.

А еще взгляд. Растерянный и глубоко несчастный. И только когда к Ниночке поворачивался ее жених, она преображалась. Словно вспыхивала под его взглядом, и этот внутренний свет делал ее если не красавицей, то почти.

На меня она внимания не обратила. И не только на меня.

Кажется, во всем доме, полном людей, Ниночка видела лишь своего Анатолия.

Анатолий.

Я повторила имя про себя и поняла, что оно мне все равно не нравится. Да и сам этот тип. Если Одинцов по какой-то своей надобности решит его убрать, я определенно помогу спрятать труп.